

Муратов Павел Павлович

Образы Италии

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Павлович М.**
Образы Италии: Том 1 / Муратов Павел Павлович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 303 с.

ISBN 978-5-519-98192-7

ISBN 978-5-519-98192-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

*All amicizia di
B. K. L.
dedico questo libro—
un ricordo dei giorni
felici.*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	1
I. Венеція.	
Летейскія воды	19
Тинторетто	25
Вѣкъ маски	33
Казанова	60
Поѣздка въ Кіуджу	85
II. Путь къ Флоренціи.	
Церковь на Аренѣ	93
Андреа Мантенья	100
Феррара и ея художники	107
Болонья	119
Мавзолей	132
III. Флоренція.	
Отъ Санъ Миніато	145
Кватроченто	153
Судьба Боттичелли	175
Бронзино и его время	183
IV. Города Тосканы.	
Прадо и Пистойя	211
Пиза	218
Лукка	226
Санъ Джиминьяно	231
Сьена	238

*Антоніо Федеричи. Юность.
Поль въ Сьенскомъ соборѣ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта книга является опытом изображенія Италіи: ея городовъ и пейзажей, ея историческаго и художественнаго генія. Удержанные здѣсь образы Италіи можно назвать также воспоминаніями. Италія съ особенной силой пробуждаетъ въ душѣ каждого способность воспоминаній. Дни прожитые тамъ не исчезаютъ безслѣдно, и прошлое отдѣльнаго существованія выступаетъ отчетливѣе на фонѣ неумирающаго и великаго прошлаго. Прошлое Италіи представляетъ главную тему этой книги. Въ немъ больше жизни, настоящей вѣчной жизни, чѣмъ въ итальянской современности. Она не внушаетъ вражды мѣшающей вѣрить въ будущее итальянскаго народа, сохранившаго многія прекрасныя черты. Но, думается, душа этого народа полнѣе и вѣрнѣе выражена въ его старомъ искусствѣ, въ судьбѣ его историческихъ героевъ и въ его религіозной древней связи съ картинами окружающей природы.

Италія принадлежитъ къ великимъ темамъ, неустоящимъ привлекать мысль и воображеніе различныхъ людей и смѣняющихся поколѣній. Это цѣлый міръ, и каждый, кто вступаетъ въ него, проходитъ въ немъ отдѣльной дорогой. Въ каждой книгѣ написанной объ Италіи, если только Италія является въ ней цѣлью нѣкоего «паломничества души», есть непременно много лирическихъ страницъ. Въ этой книгѣ, индивидуальное и личное выражено не только общимъ складомъ ея прозы, но и выборомъ опредѣленныхъ образовъ изъ безграничной и неисчерпаемой сокровищницы итальянскихъ образовъ. Уже простое распредѣленіе матеріала свидѣтельствуешь объ этомъ. Такъ, напримѣръ, въ главѣ «Венеція» удѣлено особенно много мѣста Венеціи XVIII вѣка. Хотѣлось бы думать, однако, что въ такихъ индивидуальныхъ оттѣнкахъ мыслей, интересовъ и симпатій нѣтъ слишкомъ большой изолированности. Во всякомъ случаѣ въ нихъ нѣтъ намѣренной изолированности. Мнѣ кажется, что въ выборѣ темъ этой книги и подходѣ къ нимъ не-

вольно сказывается духъ нашей эпохи. Можно, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что эта книга выражаетъ отношеніе къ Италіи не одинокое, но раздѣляемое другими людьми нашего времени. Для пониманія душевнаго объема нынѣ живущаго поколѣнія была бы нелишней книга, хоть отчасти представляющая его «пробу» на такой вѣчной темѣ, какъ Италія.

Такова задача поставленная здѣсь, помимо стремленія къ успѣшности отдѣльныхъ изображеній. Она не исключаетъ, конечно, другой задачи—разказа о предметахъ и событіяхъ, дающаго читателю свѣдѣнія, которыя могутъ сдѣлать для него болѣе интереснымъ пребываніе въ Италіи. Тамъ, гдѣ было возможно, я стремился къ цѣльности и полнотѣ культурно-историческихъ картинъ. Такое желаніе руководило, напримѣръ, расположеніемъ очерковъ въ главахъ «Флоренція» и «Римъ». Въ другихъ главахъ я просто придерживался маршрута своихъ путешествій. Мнѣ было бы особенно пріятно думать, что образы маленькихъ городовъ Тосканы, Умбріи и долины верхняго Тибра вызовутъ въ комъ-нибудь желаніе увидѣть эти чудесныя мѣста.

Я не могу судить, въ какой мѣрѣ достигнута цѣль этого сочиненія. Я могу только надѣяться, что оно займетъ свое мѣсто въ русской литературѣ объ Италіи. Эта книга войдетъ въ ряды русскихъ книгъ посвященныхъ Италіи, въ нашу небольшую итальянскую бібліотеку. Казалось поэтому умѣстнымъ сдѣлать краткій обзоръ ея въ предисловіи. Мнѣ хотѣлось напомнить также прекрасныя страницы и строчки, написанныя объ Италіи нашими великими поэтами и писателями. Эпиграфомъ къ этимъ «Образамъ Италіи» должны быть поставлены ея образы, рожденные за столѣтъ русской поэзіей и русской прозой.

... „Адріатическія волны!
О Брента, нѣтъ, увижу васъ,
И вдохновенья снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ!..“

Такъ писалъ Пушкинъ, но ему не пришлось увидѣть «Авзоніи счастливой», «Италіи златой». Люди пушкинскаго времени думали объ Италіи, поэты мечтали о ней.

„Рвется душа нетерпѣньемъ объята
 Къ гордымъ остаткамъ падшаго Рима.
 Снятся мнѣ доли, лѣса благовонны,
 Снятся упавшихъ чертоговъ колонны!

Такъ писалъ Баратынскій. Въ этомъ выражено поэтическое чаяніе пѣлой эпохи, оно повторяется еще у Веневитинова и графини Ростопчиной. Но тѣ немногіе, кому удалось тогда видѣть Италію, мало писали о ней. Для Батюшкова Италія совпала съ полосой сомнѣній, съ тяжкимъ душевнымъ переломомъ. Онъ какъ будто предчувствовалъ это заранѣе, когда писалъ въ одномъ изъ писемъ: «Я знаю Италію не побывавъ въ ней. Тамъ не найду счастья: его нигдѣ нѣтъ, увѣренъ даже, что буду грустить о снѣгахъ родины и о людяхъ мнѣ драгоцѣнныхъ». Для Языкова Италія была омрачена его тяжелой болѣзнью. Она принесла ему лишь одну тихую и прекрасную минуту вечера на генуэзскомъ побережьи. «Ложатся тѣни горъ на дремлющій заливъ»...

Италія русскаго воображенія двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, это прежде всего Неаполь и Венеція. Сорренто подъ Неаполемъ—родина Тассо, Адриатическое побережье—домъ его поэзіи. Живя въ Неаполѣ, Батюшковъ переводилъ Тассо. Мысль Пушкина летѣла къ берегамъ Бренты и По,

„Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
 Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
 Гдѣ кипарисныя благоухаютъ рощи“.

Баратынскому изъ всей Италіи суждено было видѣть только Неаполь. Тамъ онъ умеръ, едва успѣвъ обратить прощальный привѣтъ къ другу дѣтскихъ лѣтъ, «дядькѣ-итальянцу», Жьячинто.

Италія привлекала людей того времени прежде всего какъ югъ, какъ «древній рай», по выраженію Пушкина. Одному изъ русскихъ путешественниковъ этой эпохи, Норову удалось побывать на крайнемъ итальянскомъ югѣ. Его «Путешествіе по Сициліи въ 1822 году» было отличной книгой. Въ ней виденъ умъ, видна большая воспріимчивость и наблюдательность. Норовъ понималъ красоту классической земли; историческія воспоминанія внушали ему благоговѣніе. Онъ хорошо зналъ латинскихъ поэтовъ и Дантѣ. Его размышленія о греческой архитектурѣ до сихъ поръ не утратили интереса. Другой такой книги о Сициліи нѣтъ въ русской литературѣ. Чертковъ, повторившій черезъ пятнадцать лѣтъ путешествіе Норова, не сумѣлъ повторить яркости его впечатлѣній и значительности его мыслей.

Вмѣстѣ съ послѣдними поэтами пушкинской полосы, Каролиной Павловой и княземъ Вяземскимъ кончается первый періодъ знакомства русской литературы съ Италіей. Поѣздка Павловой не принесла удачныхъ стихотвореній въ ея книгу. Князь Вяземскій, напротивъ, написалъ одну изъ лучшихъ «Венецій» въ русской поэзіи. У могилы дочери погребенной въ Римѣ, онъ соединилъ свое горе съ печалью вѣчнаго города.

„Здѣсь Римъ сказался мнѣ, здѣсь понялъ я, въ слезахъ,
Развалинъ и гробницъ его и плачъ и прахъ;
Здѣсь скорби стѣнъ его державной и глубокой
Откликнулся и я печалью одинокой“.

Но когда Вяземскій писалъ эти строки, давно уже успѣлъ миновать и второй періодъ духовнаго общенія Россіи съ Италіей, періодъ, ознаменованный восторженнымъ тяготѣніемъ къ Риму.

Строго говоря, въ исторіи русской культуры только и была одна эпоха, одно десятилѣтіе отъ 1838 до 1848, когда Италія стала кровной и дорогой темой русскихъ писателей. И не Италія даже, а только Римъ. За это время въ Россіи не было ни одного чуткаго сердца, ни одного яснаго ума, которые прошли бы равнодушно мимо этой великой темы. Книги и письма той эпохи, написанныя разными людьми и съ различными цѣлями, всѣ сходны въ одномъ отношеніи. Всѣ свидѣтельствуютъ о поклоненіи величію и красотѣ Рима. Это чувство раздѣляютъ ученые, какъ Погодинъ и Шевыревъ, вступающіе въ науку, какъ Буслаевъ, художники, какъ Ивановъ и Ѳеодоръ Толстой, эпическіе гениі, какъ Гоголь, простодушные лирическіе поэты, какъ Майковъ и Полонскій, писатели по церковнымъ вопросамъ, какъ Муравьевъ, политическіе писатели, какъ Герценъ.

Въ двадцатыхъ годахъ Италія была несбыточной мечтой поэтовъ, далекимъ видѣніемъ, скользящимъ образомъ. Теперь Римъ становится какимъ-то чрезвычайно близкимъ и роднымъ мѣстомъ для русскихъ людей. Они не только мечтаютъ о немъ, не только видятъ его, они въ немъ живутъ. Для сороковыхъ годовъ нашей исторіи Москва является первымъ домомъ и Римъ вторымъ. Можетъ быть отъ этого происходитъ, что Римъ того времени выраженъ не такъ хорошо въ стихахъ и даже въ прозаическихъ сочиненіяхъ, какъ въ письмахъ и запискахъ. Лучшее въ стихотворныхъ «Очеркахъ Рима» Майкова, это ихъ наивное «домашнее» чувство, худшее, это напѣренная картинность описаній. Нужна огромная внутренняя сдержанность, чтобы рисовать картины Рима, какъ Тютчевъ написалъ «Malatia».